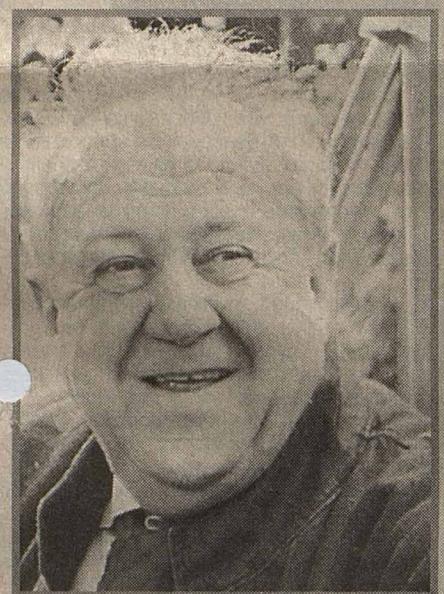

Моск. комсомолец - 2004 - 5 янв. - С. 5.

ЮБИЛЕЙ

Этот очерк я писал минувшей осенью. Чем занимался он тогда? Долго его не видели в Москве: улетел в Нью-Йорк, чтобы показать модель мемориала памяти жертв террора. Перед отлетом открыл в созданном им Музее современного искусства выставку фотографий, сделанных на месте трагедии 11 сентября 2001 года. Из музея с послом США в Москве поехал на Пресню. Там показал гостю новую мастерскую, такую же просторную и высокую, как в Тбилиси. Увидел посол три модели мемориала. Беспрерывно падающие на землю капли воды символизировали безутешное горе.

А утром направился в аэропорт, где его хорошо знают как постоянного пассажира. Вряд ли кто из художников так часто летает, как он, в Европу, далекую Америку и близкий Санкт-Петербург. А ведь ему 70. И вот о чем он сожалеет, рассказывая, как принимал однажды Джину Лоллобриджиду:

— Она спросила у меня: вы что, никогда не спите? Я ей ответил: один — никогда! Все за столом начали смеяться. А у нее был режим: в девять часов вечера домой — и спать. Все поднимаются, ее провожают, и она бросает мне: «Ну, куда идем?» Я рот раскрыл и не мог ничего сказать. Потом заснул на себе.

Да, спит Зураб Константинович мало, особенно если куда-нибудь летит ранним утром.

— Вы где? — спросил я на следующее утро после возвращения домой.

— Вчера прилетел в полпятого, еду в аэропорт, в Америку, вызывают...

Пытаясь найти слова, характеризующие эту уникальную фигуру накануне столь почтенной даты, я вспомнил строчки Бориса Пастернака, посвященные земляку художника, уроженцу города Гори, Сталину. Поэт назвал его "гением поступка". Да, мог Иосиф Виссарионович поразить современников не только чудовищными репрессиями, но и грандиозными чествованиями Пушкина и Руставели, беспримерными перелетами и экспедициями, колоссальным проектом Дворца Советов, каналами и станциями метро, парадами на Красной площади и салютами, высотными зданиями и электростанциями на великих реках.

Гением поступка кажется мне и Церетели. Вот один из поступков недавних дней в его изложении:

— Когда на Эйфелевой башне поставили лифты и три лестницы демонтировали, захотели их продать. Две лестницы купил французский музей.

Самую большую лестницу, шесть метров, захотели забрать японцы. Когда мне это сообщили, я тут же вылетел в Париж, к директору Фонда Эйфелевой башни. Он коллекционер. Собирает искусство живописи. Он мне назначил встречу вечером, занятый был. Сижу в гостинице, вижу Эйфелеву башню. Взял и нарисовал маслом. Вечером понес мокрую картину на встречу. Директор фонда обалдел: «Ой, такой подарок, не могу принять, ваше искусство дорого стоит».

Я посчитал, лестница эта стоила 640 тысяч долларов. Я сказал: «Лучше я вам дам искусство, картин десять, а вы дайте лестницу». Он начал думать: «Через десять лет ваше искусство будет в два раза дороже». И согласился. Я остался в Париже. Нарисовал там десять живописных вещей. За него жестя еще одну лишнюю картину нарисовал. И ему подарил.

Теперь эта лестница одета в стекло и стоит в музее на Петровке, во дворе.

Вот другой поступок, более давний. Конную статую Георгия Победоносца открыли в Нью-Йорке по случаю конца "холодной войны" в присутствии президента США Буша и министра иностранных дел СССР Шеварднадзе в 1990 году. Тогда же автор за свой счет отлил из бронзы 161 уменьшенную в десять раз копию изваяния. Почему 161? Столько стран состояло тогда членами Организации Объединенных Наций. И каждый он решил подарить по модели. Что и делал, когда в мастерскую наведывались первые лица из разных держав или когда сам попадал в приемные глав государств и правительства.

— Такой Георгий стоит в Белом доме в Вашингтоне, в Букингемском

АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ

дворце в Лондоне, у многих стоит. Саддаму Хусейну не досталось. Его люди предлагали продать им большую статую. Но я решил, что у него другое "добро" и другое " зло", и отказал...

Георгия Победоносца из миниатюрной серии установили на набережной Куры в сквере, где стреляли в Шеварднадзе. Второй раз вместе с ним Церетели присутствовал на церемонии открытия статуи в годовщину атаки на небоскребы Нью-Йорка 11 сентября 2002 года. Каждый день президент Грузии проезжал мимо сквера из загородного дома в резиденцию и обратно. Несмотря на это, вандалы отпилили дракона, выломали копье и детали ракет.

— Что делать, что делать, — ответил Церетели по телефону из-за границы, когда ему сообщили о случившемся. — Украли — значит, народу нравится. Мне все звонят, сочувствуют, я всех успокаиваю: еще сделаю.

Хочу напомнить о других давних поступках: он покупал за границей недоступные в Советском Союзе лекарства умиравшему недругу. Тому, кто посыпал на него анонимные доносы в Москву. Выполнил обещание, данное русской балерине, оказавшейся после войны в Бразилии, разыскался на Украине ее сестру, устроил родным сестрам свидание в Москве. Своими силами из Парижа в Тбилиси перевез гробы с останками чтимой в Грузии Полторацкой, вместе с мужем спасшей национальные сокровища. Собрал и отправил в Париж экспонаты в этнографический музей для пополнения экспозиции, посвященной родине.

Когда мало кто это делал в Советском Союзе, перечисляя большие суммы детским домам, помогал инвалидам. Отказался от гонорара в миллион долларов за статуи, выполненные в Америке для Олимпиады детей-инвалидов. Дал деньги на операцию Булату, резко выступавшему в печати против Петра в самые трудные дни для Церетели, когда "правые силы" пытались демонтировать монумент. Помогал Иосифу Бродскому, выручал Михаила Шемякина. Устроил в своем доме в Тбилиси свадьбу Владимира Высоцкого и Марину Влади. Ввел в состав Академии художников, ругавших его публично. Принимал в кабинете президента Российской академии студен-

академикам? Чтобы поднять престиж ученых и художников.

Никто не побуждал его браться за другой глобальный проект — Международную конференцию по проблеме художественного образования. Во многих странах утрачена культура рисунка и живописи, студенты не умеют писать картины и портреты, как могли предки. Церетели хочет выработать всеобщие рекомендации, чтобы поднять мастерство до того уровня, на каком оно пребывало в эпоху Возрождения, во времена императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Почти каждый день он занимается делами питерской академии. Не рисует власть в ложный пафос, скажу: эту академию Церетели любит. Но говорит о цифрах:

— Недавно закончил реставрацию фасада, это 16 тысяч квадратных метров. Заменил кровлю — 25 тысяч метров.

Восстановил золоченый крест домовой церкви Екатерины в академии, закрытой после революции. Статую Минервы сделал девятым метром — она стояла на

стия во французской Ницце. Другая — в испанском городе, где стоит над морем исполин, олицетворяющий Победу. Еще одна выставка была в Санкт-Петербурге, где в музее нашего первого поэта представлена "Тифлес глазами Пушкина". Никем в Москве не помянутая, состоялась выставка под Санкт-Петербургом, в Пенатах, где жил Илья Репин. Там же установлена безвозмездно статуя святого Николая работы Церетели. Тоже поступок.

Из Америки и Европы он возвращается не только с написанными там своими картинами и рисунками. Привозит чужие работы, и в больших количествах. Его давно греет идея: вернуть то искусство, что ушло из России после революции, когда художники из бесценок продавали шедевры иностранцам. Не дает покоя ситуация, когда государство не выделяет средств на закупку искусства, в то время как на Западе такая практика существует.

Может ли частное лицо заменить государство? В нашей истории так было. Когда императоры России не покупали национальное искусство, его поддерживали купцы. Когда президенты Франции не обращали внимания на своих художников, совершивших переворот в живописи, их покупали Морозов и Щукин. Так себя ведет Церетели — его размах не меньше того, какой могли себе позволить в прошлом самые знаменитые московские коллекционеры.

— Я хочу вернуть в Москву как можно больше работ. Из Америки привез 69 картин, из Германии — 300, из Израиля — 19. И все русский авангард. Хочу устроить выставку художников театра и балета России — они создали американское театральное искусство.

Не сомневаюсь: задуманные выставки, заседание академий, музей искусств и спорта, международная конференция — все рано или поздно состоится. Большой проект Москвы ближайшего будущего — национальный детский парк в Нижних Мневниках — его. На этой земле начались приостановленные работы.

На состоявшейся в Москве наушмевшей выставке римейков знаменитых картин с лицами известных современников Церетели представил на репродукции портрета Рафаэля в образе Папы Римского Льва X.

Как отметит он 70 лет? Планы озвучивал разные. Хотел было устроить выставку в Манеже, дать банкеты в Тбилиси, Москве, Париже и Нью-Йорке, подобные тем, что устраивал в "Метрополе" после избрания президентом Академии и вернисажа первой персональной выставки. Думаю, что выставка в Манеже не состоится: слишком мало времени осталось для ее подготовки. И банкетов, подобных тем, что были заданы на 500 персон дважды, не будет в названных городах. Уедет он, по всей видимости, накануне 4 января 2003 года с родными и друзьями куда-нибудь на природу в дальние края. И покутит.

Да и зачем устраивать большую выставку в Манеже, когда подобная была открыта в Москве в залах бывшего дворца генерал-губернатора. Она принимала приглашенных спустя четыре года после вернисажа в Новом Манеже в Георгиевском переулке. Тогда запружен перед открытием был маленький московский проезд. Теперь оказалась парализована центральная улица, где стоят дома Российской Академии художеств и Галереи искусств Зураба Церетели. Такой автомобильной пробки Пречистенка не знала. Пришлось бросить машину, не доехав до галереи. Да и войти в здание удалось не сразу.

Под стеклянной крышей, где предстояло перерезать ленточку, яблоко негде было упасть. Центр двора заполняло высотой в 15 метров бронзовое "Яблоко", которое автор в силу своего пристрастия к обобщениям назвал: "Познание Добра и Зла". Вовнутрь полого "Яблока" вела дверь. В центре шара возвышались обнаженные Адам и Ева накануне грехопадения, попирающие ногами змея-искусителя. А своды заполняли рельефы со сценами античной жизни, где потомки первых людей в экстазе отдавали должное Эросу. Что тут добро, что зло — каждый решал сам. Поясняла замысел, Церетели коротко высказался так: "Мы сегодня тут все раскрепостились, и вот я сделал".

Сделал вещь поразительной формы и содержания. Я думаю, появилась в Москве достопримечательность мирового класса. "Яблоко" и зал с бронзовыми иллюстрациями Библии рано или поздно станут магнитом для всех иностранцев, посещающих город, как его лучшие музеи.

Сожалею, что эти строчки Церетели вряд ли прочтет где-нибудь в дороге далеко от Москвы. Для нее он так много сделал на улицах и площадях, на Поклонной горе, изваяв обелиск Победы и Петра, расписав храм и купол Новой сцены Большого театра. А также создав три музея. Последний — филиал Музея современного искусства — открылся у Патриарших прудов. Упоминанием об этом поступке и закончил очерк, посвященный 70-летию необыкновенного человека и уникального художника.

Лев КОЛОДНЫЙ.

главном куполе. В Круглом дворе академии установил памятник первому президенту академии — Шувалову.

— Отреставрировал картины академии. Если бы видели, в каком они состоянии были! А из Петербурга шлют в Москву анонимные письма и кричат: "Зураб забрал все картины в Москву и не вернет их обратно!" Я реставрирую из своего кармана. Дон Кихота тоже никто не любил, а он сражался. И я все делаю вопреки сплетням. Это удовольствие для меня.

Он мечтает в разрушенном дворце XVIII века устроить музей искусства и спорта. Если памятник архитектуры передадут в его руки — такой музей (очевидно, первый в мире) появится в Москве.

Кто предполагал, что можно назначить академика в 102 года главой отделения карикатуры Российской академии художеств? Им стал Борис Ефимов. Этот художник, родившийся в 1900 году, не утратил способности на каждом шагу остереть, сочинять стихи и спички. И, поднявшись на стул, чтобы лучше было всем его видеть и слышать, произносит их в честь искусства и президента Академии... Изваял в бронze и Бориса Ефимова и его родного брата Михаила Кольцова, великого журналиста, скоро все их увидят.

Казалось бы, у него, занимающегося общественной работой, делами Академии, ее институтов, школ, музеев, не должно оставаться времени на личное творчество. Но его хватает на памятники, живопись, дизайн, графику, коллекционирование. И на устройство персональных выставок, которых он явно в прошлом недобрал.

Выставки начали открываться одна за другую в разных городах. Одна прошла без его уча-

АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ